

Г. А. АВДЕЕВА

(Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал РГППУ, г. Нижний Тагил)

УДК 811.161.1'42

ББК Ш141.12-51+ Ш141.12-55

ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ: НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «КРАСНАЯ БУРДА»

Аннотация: В данной статье рассматриваются приемы языковой игры, представленные на страницах юмористического журнала «Красная бурда» за 2015-2017 гг. Отмечается связь языковой игры с эстетической категорией комического – с учетом разграничения таких регистров языковой игры, как балагурство и острословие. В центре внимания оказываются прежде всего приемы, реализующие вторую разновидность, – острословие, хотя отмечается сложность дифференциации формальной и содержательной языковой игры. Анализируются случаи реализации аллюзивного принципа языковой игры: игра с прецедентными феноменами, ономастическая игра и др. Отмечаются различные варианты ономастической игры, в том числе связанные с обыгрыванием внутренней формы онама, с актуализацией его характерологической функции. Особое внимание уделяется словообразовательной игре, в частности, примерам лексической контаминации – новообразованиям, обладающим, как правило, не только объединенным смыслом (слов-«источников»), но и содержащим оценку обозначаемого явления. Проведенный анализ позволяет предположить, что адресат журнала – человек, способный оценить не только юмор «ниже пояса», но и языковую игру, в некоторых случаях требующую определенного интеллектуального напряжения.

Ключевые слова: языковая игра, комическое, юмор, балагурство, острословие, аллюзивный, имитативный принципы языковой игры, лексическая контаминация.

В последнее время в лингвистике усилился интерес к игровому дискурсу. Существуют различные подходы к описанию языковой игры. Большинство исследователей считает, что языковая игра является разновидностью лингвокреативной деятельности, связанной с преднамеренным нарушением языковых и

речевых норм и направленной на достижение определенного эффекта (стилистического, эстетического, комического и др.). При этом нет единой классификации разновидностей, приемов языковой игры.

Понятие языковой игры тесно связано с эстетическими категориями комического и смешного, а также с чувством юмора и остроумием. Существует много исследований, посвященных данному вопросу. См., например, обзор литературы в: [Сильченко 2014], [Нухов 2012]. «Комическое является специфической формой раскрытия и оценки общественных противоречий. Оттенки комического крайне многообразны: юмор, ирония, сатира, сарказм» [Комическое]. «В *иронии* смешное скрывается под маской серьезности, с преобладанием отрицательного (насмешливого) отношения к предмету; в *юморе* – серьезное под маской смешного, обычно с преобладанием положительного («смеющегося») отношения. Среди всех видов комического юмор отмечен сложностью тона в оценки жизни. В юморе «диалектика фантазии» приоткрывает за ничтожным – высокое, за безумием – мудрость, за смешным – грустное. Напротив, обличительный смех *сатиры*, предметом которого служат пороки, отличается вполне определенным – отрицательным, изобличающим – тоном оценки» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 162]. Если ирония задевает, ранит, оскорбляет, то юмор носит более дружеский характер. «*Остроумие* – комическое в интеллектуальной сфере – основано на игре слов, понятий, фактов, по сути своей далеких, но по ассоциации либо по словесному звучанию сближенных» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 522].

Авторы монографии «Русская разговорная речь (1983)» считают, что «языковая игра складывается из двух различных стихий – *балагурства*, не связанного с передачей содержания речи, уходящего корнями в явления народной смеховой культуры, когда смешно все грубое, низкое, перевернутое, и того, что можно назвать *острословием*, когда необычная форма связана с более глубоким выражением мысли говорящего, и с более образной, экспрессивной передачей содержания» [Земская 1983: 175-176]. В соответствии с данной позицией к балагурству отно-

сят разные виды преобразований внешней формы языковых единиц: прием рифмовки, фонетические деформации, «веселую грамматику», прием речевой маски; к острословию – прием стилового контраста, нарушение законов сочетаемости слов, словообразовательную игру, непрямые номинации, прием цитации, каламбуры и др.

Такое различие формальной и содержательной языковой игры представляется нам плодотворным. Но на практике исследователь может столкнуться с промежуточными, неоднозначными явлениями. Так авторы названной монографии сами относят похожие языковые явления к разным группам: «прием рифмовки» к балагурству, а «прием рифмованного эха» («фокус-покус» прием) к острословию. «Отзвучия могут быть лишены какой-либо семантики, но могут быть и семантически наполнены (тип *страсти-мордасти*). Ср. еще: По вечерам там всякие *танцы-шманцы-обжиманцы...*» [Земская 1983: 193-194].

Цель данной статьи – выделить приемы языковой игры, представленные в юмористическом журнале «Красная бурда». Учитывая юмористический характер издания, мы вправе предположить наличие как чисто формальных приемов (желание посмеяться, развлечь читателя), так и остроумных (сознательная установка на комический эффект). Поскольку рамки статьи не позволяют охватить весь комплекс приемов, мы ограничимся рассмотрением случаев реализации **аллюзивного** принципа языковой игры, обращая внимание на его взаимодействие с **имитативным** принципом. Подробнее об этих основополагающих принципах языковой игры см. в работах Т. А. Гридиной [Гридина 2008; 2013].

Аллюзивный принцип языковой игры коррелирует прежде всего с понятием прецедентности. При этом, как отмечает Т. А. Гридина, «...аллюзивный принцип языковой игры в художественном тексте связан не столько с самой отсылкой к прецеденту, сколько с ее новой ассоциативной обработкой в целях создания эстетического эффекта» [Гридина 2008: 71-72]. Поскольку мы анализируем юмористическое издание, предполагается прежде всего достижение комического эффекта, который может основываться как раз на трансформации (перверсии) че-

го-то известного, в том числе за счет стилистического, семантического «понижения», «перевертывания» (*памятник неизвестному стукачу, не колбасой единой* и т.п.). Следует отметить, что уже в самом названии журнала можно увидеть отсылку к журналу «Бурда Моден». При этом обыгрывается и другое значение слова «бурда» – «(разг., неодобр.) мутное безвкусное жидкое кушанье». Слово «красный» также насыщено неоднозначными коннотациями: от положительных (прекрасный) до сомнительных идеологических (коммунистический, советский).

В постсоветской публицистике и в современной разговорной речи широкое распространение получил прием трансформации фразеологизмов, прецедентных высказываний именно с целью достижения комического эффекта (вспомним знаменитые «приколы русского радио»). Данный прием активно реализуется на страницах «Красной бурды» в различных вариантах.

Коммунальщики встретили зиму снегом-солью (ср. *встретить хлебом-солью*).

В России будет введен прожиточный пенциум (ср. *прожиточный минимум*).

Мы с тобой разного поля ягоды (ср. *одного поля ягоды*).

Такси «Три сосны» (ср. *заблудиться в трех соснах*).

Все говорят, а Вася (Александр Петрович) *слушает и делает*.

После депиляции по волосам не плачут (ср. *снявши голову, по волосам не плачут*) и другие.

Как мы видим, на страницах юмористического издания активно представлена лексическая трансформация прецедентных высказываний (поговорок, пословиц, речевых клише), при этом чаще всего сопровождающаяся ироническим эффектом.

Авторы «Красной бурды» создают даже специальные варианты пословиц определенной тематической группы. Например, «русские народные пословицы о науке: *Без науки и труда не вычислишь объем труда*. При этом используются различные механизмы создания «новой пословицы»: от уже обозначенной ранее трансформации известной пословицы (*Умное слово и кошке непонятно*) до имитации пословичной формы: *Дипломом кичиться – от побоев лечиться; Энтропия да скука – вот и вся*

наука и др.

Аллюзивный принцип реализуется также в различных формах игры с *прецедентными именами* и вообще с *именами собственными*. Рассмотрим некоторые примеры.

Кандидаты и их слоганы

Василий Жиртрестский. Россияне для россиянок!

Илья Сусанин. Я заведу Россию к процветанию!

Марксэн Ленинишвили. Теперь избираюсь от «Яблока» и т.д.

В данном случае мы видим обыгрывание имен известных исторических лиц (Сусанин) или политических деятелей. *Ленинишвили* является контаминацией имен Ленина и Сталина (Джугашвили); соответственно, *Марксэн* – Маркса и Энгельса. При этом ономастическая игра взаимодействует с другими приемами. В частности имя *Сусанин* соотносится с прецедентной ситуацией, а иронический эффект усиливается за счет нарушения лексической сочетаемости «заведу к процветанию», что может восприниматься как своеобразная «оговорка по Фрейду» (характерная для некоторых реальных депутатов).

Современные российские бестселлеры

Татьяна Львовна Толстая. *Воскысение*. Роман-антиутопия про кошечку.

Людмила Скукоцкая. *Резус Макакского*. Роман-антиинсомния про врачей.

Федул Залепин. *Ботинки, полные теплых ног*. Сборник ботинок.

Залепин Федул. *Наполовину полные ботинки*. Сборник полуботинок.

Данные анонсы содержат семантически осложненную игру не только с антропонимами, но и с названиями известных художественных текстов (прецедентных для определенной аудитории). *Воскысение* – контаминация названия романов Льва Толстого «Воскресение» и Татьяны Толстой «Кысь». *Скукоцкая* – контаминация собственно фамилии писательницы (Улицкая) и, по-видимому, слова *скука*. *Резус Макакского* – остроумная перверсия «Казуса Кукоцкого». Использование медицинских терминов (резус, инсомния) подчеркивает «медицинскую» тематику произведения «про врачей». Иронично охарактеризован жанр произведения «антиинсомния» (инсомния – бессонница). *Федул*

Залепин – ироничная трансформация имени Захара Прилепина (настоящее имя Евгений Николаевич), намекающая на его нарочито «почвеннический» псевдоним. *Ботинки, полные теплых ног* – трансформация названия сборника рассказов Прилепина 2008 года «Ботинки, полные горячей водкой».

Анонс культурных событий в г. Скипидарске и его окрестностях

ДК Алиментчиков

4 и 5 ноября. *Иван Хлобыстнулин* в моноспектакле «Стриг бабло расстрига».

15 ноября. Концерт классической французской частушки и кадрили.

Исполнитель – *Эмиль Дроля*.

Скипидарский отставной дом офицеров

5 ноября. *Щегол российской эстрады. Лев Кащенко*

С новой программой «*Свищу и не грую!*»

Скипидарский театр Музыкальной Коммерции

11 ноября. *Тюльпан Лахматова*. «Творческий вечер «Я дарю вам тюльпан!». Стихи, отрывки из ролей, обрывки сценических костюмов, фотограф-сессия».

В этих объявлениях содержатся отсылки к именам популярных деятелей в сфере искусства. При этом степень остроумности трансформации онама различна: от чисто балагурной контаминации: *Тюльпан Лахматова* (Чулпан Хаматова + Ахматова) до ироничного *Хлобыстнулин*. Точная, хотя и грубоватая, оценка концертной деятельности Ивана Охлобыстина заключена в каламбуре: «*Стриг бабло расстрига*», обыгрывающем фонетическое сходство семантически и стилистически разнородных слов. Остроумная характеристика ампула *щегла российской эстрады* Льва Лещенко (с бессмертной песней про соловьиную рощу) соседствует с сомнительным намеком на психическую неадекватность певца. *Кащенко* – название Московской психиатрической больницы №1, которая с 1922 по 1994 гг. носила имя П. П. Кащенко (знаменитая *Канатчикова дача*).

Разнообразны случаи обыгрывания внутренней формы онама. При этом может актуализироваться характерологическая функция «говорящего» имени:

«Певец *Харитон Сумашиевич*. Исполнение народных песен под рояль. Чудный *харитональный бас-сопрано* из-под рояля никого не оставит в зале». Контаминация имени *Харитон* со словом *тональный* в сочетании со своеобразным словообразовательным оксюмороном *бас-сопрано* создает комический эффект, усиленный усечением речевого клише, типичного для подобных анонсов: «никого не оставит равнодушным».

«*Вечер песни и драки* под неуправлением *Слабко Пьянича* и его Оркестра резких звуков (ОРЗ)». В данном случае мы вновь видим переворачивание речевого клише «под управлением», актуализацию внутренней формы онима, в том числе имитацию национального колорита онима (намек на сербское происхождение).

Подобная имитация «структурного облика иноязычной (обладающей национальным колоритом) антропонимической модели (например, фамилий с характерной для того или иного языка финалью)» [Гридина 2013: 155] активно представлена на страницах «Красной бурды».

Из слоганов кандидатов: *Георгий Жертвоприношвили*. Помочь кому надо наказать кого надо!

Ресторан «Планета Сулико». Ежедневно – вечера грузинской музыки.

Знаменитый грузинский вокальный одиннадцатиктет «НАВЗРАЗАГРЕВИ»... А также неповторимая *Адджико ПАСТОТОМАДЗЕ*. С джазовой программой «С. ГАМАРДЖОПЛИН, ДЖ. ГЕРВИНИШВИЛИ и другие».

В данном контексте не просто имитируются псевдогрузинские фамилии, но и актуализируется внутренняя форма онимов. Контаминация грузинского приветствия (*гамарджоба*) и фамилии известной рок-певицы *Дж. Джоплин* создает эклектичный музыкальный образ (грузинского джаза). Американский композитор *Гершвин* (изначально Гершковиц) превращается в *Гервинишвили*.

Еще один вариант ономастической игры – создание определенной тематической группы онимов, например, названий санаториев в рубрике «Эти территории зовутся санатории»:

Уникальный канатный подвесной санаторий «НУ-ИПЕТР».

Обыгрывание названия горы Ай-Петри.

«*Уникальный АКУЛИНАРИЙ* в местечке Аполлинаруй, близ Бухгалторий! Здесь вы можете просто посмотреть забрызгивающее шоу, а можете поплавать с дельфинами-акулинами». Образование по аналогии с «дельфинарий», а также контаминация дельфинов-афалин с акулами.

Названия: *Ласточкино яйцо; санаторий «Ливердийский дворец» (г. Ливерполь), «Евпаториальные воды»* и т.п. – строятся на лексической замене (Ласточкино гнездо), фонетическом искажении реальных топонимов (Ливадийский, Ливерпуль), контаминации (Экваториальные + Евпатория).

Некоторые наименования высмеивают советский опыт топонимики, когда название включало юбилейную дату (типа «50 лет ВЛКСМ» и т.п.):

«*Санаторий «50 лет ГТО. Г. Наши Саки. До пляжа 200 метров бегом, имеется турникет, необорудованная канатная дорога (канат) на 2-й и 3-й этажи корпуса. Оздоровительные мероприятия: перетягивание гранаты».*

В подобных примерах можно увидеть преобладание иронии – высмеивание специфических особенностей отечественного сервиса, отсутствие необходимого комфорта в соответствующих оздоровительных учреждениях.

Следует отметить, что адресат шуток, представленных в анализируемом издании часто должен обладать определенными фоновыми знаниями, в том числе в области литературы и искусства, чтобы оценить языковую игру.

ДК им. Ф. Н. Плевако

11 ноября. Юридическое шоу «*Здравствуй, племя младое, незаконное!*»

Ведущий – доктор физико-юридических наук *Аркадий Присяжный*

20 ноября. Труппа УЩ-87/14 покажет только один спектакль, который она репетировала долгие десять лет – «*Витязь в тигровой робе*»

Представлена трансформация пушкинской строки «Здравствуй, племя младое, незнакомое», а также названия поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Комический эффект

достигается в том числе за счет оксюморонных сочетаний «юридическое шоу» и «доктор физико-юридических наук» (намек на обесценивание в наше время научных степеней, которые в некоторых случаях могут быть получены сомнительным путем).

Детская театральная студия «Светлячок» при детском саду №5 27 ноября приглашает на премьеру выпускного спектакля *«Декамерошика»*.

Данный пример показателен внутрисловным контрастом: «Декамерон» – названия сборника далеко не детских произведений, в том числе эротического содержания; -ошк(а) – суффикс субъективной оценки, характерный для отыменных образований типа *Антошка*, функционирующих в детской речи. Авторы явно иронизируют по поводу увлечения некоторых современных педагогов (и родителей) идеями раннего полового воспитания.

Шедевры классиков русской сатиры

Сказки, романы и комедии Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина

«Карась-экзистенциалист», «Орел-вегетарьянец», «Медведь на двоежёнстве», «Судак-агностик», «Превкусный пескарь», «Налим-нищиеанец», «Пешеходная сволота», «Приключение с Хулильниковым», «Повесть о том, как один официант два банкета накормил», «Повесть о том, как одним названием всю повесть рассказать» и др. (более 20 названий).

Басни Ивана Андреевича (Крылова)

«Тришкин канкан», «Медведь и Моцарт», «Опоссум и Нанду», «Волк на живодерне», «Гиена, Моль и Лещ», «Лисица и авокадо», «Чернила и февраль», «Чингачгук и Большой Змей», «Крестьянин и Виолончель» и др.

Названия «шедевров классиков русской сатиры» не просто являются трансформацией наименований произведений известных всем авторов, но и намекают на излишне морализаторский характер этих произведений: «старые писатели были умные, и знали, что их читать никто не будет. Поэтому они так называли свои опусы, что прочтешь название, оп – и все понятно!» Механизм отсылки в псевдонаименованиях работает по-разному. Часть названий включает в себя опорное слово реального загла-

вия произведения классика с измененным оценочным приложением: «*Карась-экзистенциалист*» («*Карась-идеалист*»), «*Орел-вегетарьянец*» («*Орел-меценат*») («вегетарьянец» – явный намек на «вольтерьянца»). Часть названий обыгрывает «ихтиолого-философические» пристрастия автора (**Евграфовича**): «*Судак-агностик*», «*Налим-нищиеанец*». Другие онимы построены на синонимической замене: «*Приключение с Хулильниковым*» («*Приключение с Крамольниковым*»). Кроме того, часть наименований содержит отсылки к произведениям других авторов: «*Чернила и февраль*». Комический эффект возникает за счет своеобразной оксюморонной аллюзии – одновременной отсылки к разнородным художественным жанрам: метафорически насыщенное стихотворение Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!» очень далеко от морализаторских басен Крылова.

Таким образом, мы видим, что аллюзивный принцип языковой игры активно используется авторами «Красной бурды», в том числе за счет обыгрывания различных прецедентных феноменов (высказываний, имен, текстов). При этом языковая игра чаще носит не формальный характер, а содержательный, то есть тяготеет к острословию, а не балагурству. Не случайно один из распространенных приемов в юмористическом журнале – контаминация, в разных ее вариантах, чаще – лексическая, приводящая к появлению словообразовательных каламбуров.

Лексическая контаминация («скорнение», слова-гибриды) также давно привлекает внимание исследователей. Отмечается, что «контаминация связана с действием закона экономии языковых средств». «В результате контаминации возникает сложное слово, вбирающее в свою семантику значения объединяемых слов» [Николина 1996: 311-312]. Понимание значения данных слов часто требует опоры на контекст или ситуацию. Используя контаминированные образования как средство языковой игры, их автор учитывает «ассоциативный ореол и аллюзивность, коннотативные возможности слов-«источников»... «Скорнение» связано с выражением социальной или индивидуальной оценки» [Николина 1996: 312-313].

Приведем примеры лексической контаминации, демонстрирующие указанный эффект создания объединенного смысла, а

также выражающие оценку обозначенного явления (предмета). В рубрике «Бутылкомаркет» представлен перечень различных алкогольных напитков, в том числе названия марок коньяка: «Разбадежан», «Гидролизиани», «Чежепешты» (Приднестровье), «Померешты» (Молдавия), которые, с одной стороны, иллюстрируют отмеченную нами ранее имитацию национальной специфики, а, с другой стороны, содержат эмоционально-оценочный компонент. Все наименования намекают не только на недоброкачественность алкогольной продукции, но и на ее опасность для жизни. *Разбадежан*, в частности, совмещает отсылку к «Азербайджану» и лексеме «разбодяжить – разбавить (обычно об алкоголе)». *Чежепешты* и *Померешты* представляют собой сращения – образования, созданные путем слияния словосочетаний оценочного характера.

Безусловно, что в «Красной бурде» не менее востребован *имитативный* принцип языковой игры, поскольку сам формат юмористического издания предполагает имитацию рубрик, жанров «серьезного» журнала, комическую (шутливую) стилизацию «серьезных» жанров, в том числе научных. Поскольку рамки статьи не позволяют нам подробно рассмотреть данный аспект, мы ограничимся анализом некоторых материалов «энциклопедии» «Красной Бурды».

Эта рубрика содержит словарные дефиниции (точнее псевдодефиниции), построенные на обыгрывании внутренней формы слова (ложной этимологии), а также включает контаминированные окказиональные образования: «*Тестилище* – место в преддверии рая (предрайник), где грешники, желающие поступить в рай, проходят сложные и мучительные тесты». В совмещении слов *чистилице* и *тест* с одновременной актуализацией словообразовательного значения «увеличительности» суффикса *-ищ* можно увидеть иронию по поводу излишнего увлечения разного рода тестированием в наше время (от ЕГЭ до разнообразных психологических тестов). «*Гюльпанславизм* – идея объединения всех славянских государств плюс Голландия (для красоты)». Комический эффект создается за счет контаминации стилистически и семантически разнородных лексем: реального термина «панславизм» («доктрина об общности всех славянских наро-

дов») и слова «тюльпан» (ассоциирующегося с Голландией).

Энциклопедия «Красной Бурды» содержит и характеристику имен собственных – антропонимов. «*Трамплиний Старший* – др. римский спортивный историк и обозреватель. Основной труд Т. – «О природе прыжков». «*Тетерев-Кумач* – Иван Васильевич (настоящая фамилия Лебедев-Глухарь). Советский поэт-песенник, автор песен «Марш веселых воробьят», «Как много пёрышек хороших», «А ну-ка песню нам пропой, веселый дятел!» и др.». «*Тефтель* – Иван Павлович, декабрист, полковник царской армии. За участие в «Юго-Восточном тайном обществе» был арестован и безжалостно сожран кровожадным царским режимом». «*Труффальдиньо* – легендарный форвард из ФК «*Бергамо*». Играл одновременно за два клуба...» и т.п.

Данные примеры иллюстрируют различные варианты лексической контаминации. *Трамплиний* – собственно междусловное наложение лексем: *трамплин* + *Плиний*. (Плиний Старший – древнеримский писатель-эрудит, автор «Естественной истории»). *Тетерев-Кумач* – перекрестное наложение (Лебедев-Кумач трансформируется в *Лебедев-Глухарь* и *Тетерев-Кумач*). В узуальном слове «тефтель» содержится намек на фамилию известного декабриста *Пестеля*. Во всех случаях контаминированные словообразовательные каламбуры поддержаны контекстом. Так, Павел Иванович Пестель трансформируется в Ивана Павловича Тефтеля, участника «*Юго-Восточного тайного общества*», «сожранного кровожадным царским режимом». Обыгрывается внутренняя форма онима (*тефтель*). Кроме того, явно высмеивается стилистика советских историографических текстов.

Подводя итоги наших наблюдений, мы можем отметить следующее. В юмористическом журнале «Красная бурда» активно представлены различные приемы языковой игры, реализующие как стихию балагурства, так и острология. Мы в большей степени остановились на приемах второй группы: игра с прецедентными феноменами, ономастическая игра, стилистический контраст (типа «Декамерошка»), словообразовательная игра. Излюбленным приемом авторов «Красной бурды» является лексическая контаминация. Подобные образования («скорне-

ния») свидетельствуют об активном вовлечении адресата речи в языковую игру, поскольку «использование гибридных слов в речи (тексте) требует сотворчества слушателя (читателя), который должен не только восстановить исходные единицы, подвергшиеся сокращению, но и определить новое идиоматическое значение, обогащенное обычно эмоционально-оценочными «приращениями» смысла» [Николина 1996: 313].

В журнале «Красная бурда» присутствуют также примеры «балагурной» языковой игры. Активно используется прием «речевой маски», в частности, в форме имитации речи человека, плохо владеющего русским языком (гастарбайтера), например, в объявлениях с сайта знакомств («Флирт до гробовой доски»): «**Аслан**. Возраст: мужчина! Пол: есть! Обо мне: э? Интересы: таксы вожу. Закажи меня, дорогу покажешь». И все же проведенный нами анализ позволяет предположить, что адресат журнала – человек, способный оценить не только юмор «ниже пояса», но и языковую игру, в некоторых случаях требующую определенного интеллектуального напряжения. В целом следует отметить, что комический эффект на страницах журнала достигается как посредством доброжелательного юмора, так и за счет едкой иронии.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т. А. Смысловая перспектива слова в игровом художественном тексте // Лингвистика креатива-4: коллект. моногр. /Под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018.

Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург, 2008.

Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. 3-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2013.

Гридина Т. А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры // Политическая лингвистика. 2014

Земская Е. А. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983.

Комическое // Краткий словарь по эстетике. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://esthetiks.ru/komicheskoe.html>

Квятковский А. П. Школьный поэтический словарь. – М., 1998.

Николина Н. А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество. – М., 1996.

Нухов С. Ж. Языковая игра как одна из форм проявления общеэстетической категории комического // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://e.lanbook.com/journal/issue/290742>.

Сильченко Г. В. Комическое как эстетическая категория (обзор основных теорий комического) // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2014. № 3, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e.lanbook.com/journal/issue/290833>.

©*Авдеева Г. А., 2018*